

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

4 ОКТЯБРЯ.

№ 40

1915 ГОДА.

Христіанство и социализм ¹⁾.

II. Обь отношеніи христіанства къ формамъ общественной жизни.

По данному вопросу существуютъ два различныхъ до противоположности воззрѣнія на христіанство. По одному изъ нихъ Евангеліе есть не только благая вѣсть о спасеніи челоуѣка и Царствѣ Божіемъ, но и полное ученіе о социальныхъ или общественныхъ (о богатствѣ и бѣдности, о собственности и т. д.), о правовыхъ (государство, судъ, война и т. д.) и обще-культурныхъ (наука, искусство и т. д.) отношеніяхъ людей. По другому воззрѣнію, Евангеліе глубоко индивидуалистично, и съ точки зрѣнія подлиннаго ученія Христа, согласно этому воззрѣнію, нельзя говорить о взглядѣ христіанства на собственность, о христіанскомъ го-

¹⁾ Продолженіе. См. № 39.

сударствѣ, о христіанской наукѣ и т. д. такъ же, какъ нельзя говорить о христіанскомъ телеграфѣ или телефонѣ.

Первое воззрѣніе находить въ Евангеліи рядъ нравственныхъ правилъ или заповѣдей, въ своей совокупности обнимающихъ и опредѣляющихъ всѣ стороны личной и общественной жизни человѣка, а абсолютныя евангельскія заповѣди (не гнѣвайся, совсѣмъ не кланись, не противься злему, отдай послѣднюю рубашку, не заботься о завтрашнемъ днѣ, не судите и т. д.—главн. обр. 5—7 гл. Мѳ.), явно не укладывающіяся въ рамки этого „популярнаго“ пониманія Евангелія, здѣсь разсматриваются, или какъ евангельскіе совѣты, т. е. такія высшія требованія, которыя предлагаются только нѣкоторымъ, такъ сказать избраннымъ людямъ, желающимъ достигнуть высшаго совершенства (такъ учать главнымъ образомъ католики), или какъ такія идеальныя требованія, которыя осуществимы только въ томъ Царствѣ Божіемъ, о которомъ училъ Иисусъ Христосъ и о наступленіи котораго молимся и мы, по Его заповѣди, но не осуществимы теперь, въ „царствѣ человѣческомъ“.—Второе воззрѣніе, разсматривая Евангеліе, какъ ученіе о человѣкѣ—личности и ученіе о новой жизни и новыхъ отношеніяхъ между людьми, совсѣмъ не похожихъ на ту жизнь и тѣ отношенія, какія въ настоящее время господствуютъ между ними, и абсолютныя евангельскія заповѣди признаетъ подлиннымъ и главнымъ содержаніемъ христіанства. И если сторонники перваго воззрѣнія, отвергая всеобщую обязательность абсолютныхъ заповѣдей, находятъ возможнымъ установить христіанское ученіе по всѣмъ вопросамъ общественной жизни человѣка, то сторонники втораго воззрѣнія считаютъ область общественной жизни человѣка лежащей внѣ христіанства и его идей, не подлежащей оцѣнкѣ съ христіанской точки зрѣнія и предоставленной своему собственному развитію (и это для однихъ изъ нихъ представля-

ется вопліѣ нормальнымъ и законнымъ явленіемъ—проф. М. М. Тарѣвъ, для другихъ—поводомъ къ упреку христіанству за эту его будто бы крайнюю индивидуалистичность и, слѣдовательно, неприложимость къ современной жизни и современнымъ отношеніямъ—Фейербахъ, Ренагъ и др.—, и, наконецъ, для третьихъ—поводомъ къ отверженію самой культуры и внѣшнихъ формъ человѣческаго общежитія, несовмѣстимыхъ будто бы съ религіею христіанскою—Л. Толстой).

Изъ изложеннаго явствуетъ, что пониманіемъ христіанства и главнымъ образомъ смысла его абсолютныхъ заповѣдей обуславливается такое или иное рѣшеніе вопроса объ отношеніи христіанства къ формамъ общественной жизни. Поэтому и мы, приступая къ рѣшенію указаннаго вопроса, должны прежде всего уяснить сущность и смыслъ нравственнаго законодательства Иисуса Христа.

Если Евангеліе представляетъ собою, подобно ветхозавѣтному закону Моисея, кодексъ частныхъ правилъ нравственности, въ своей совокупности обнимающихъ всю жизнь человѣка, то правы тѣ, кто ищетъ въ Евангеліи рѣшеніе вопросовъ не только личной, но и общественной жизни человѣка. Но такое пониманіе Евангелія неправильно. Въ Евангеліи нѣтъ и не можетъ быть правилъ нравственной дѣятельности въ вышеуказанномъ смыслѣ, и возвышенныя нравственныя требованія Евангелія не представляютъ собою въ собственномъ смыслѣ заповѣдей, т. е. такихъ частныхъ и формально обязательныхъ предписаній, которыми должна опредѣляться вся жизнь человѣка, безъ остатка. Въдѣ нравственная жизнь есть свободно—творческая дѣятельность нашего духа, а такая дѣятельность не можетъ совершаться по заказу, по заповѣди; единственно чѣмъ она можетъ опредѣляться, это—принципами, или идеалами (добра), которые не только не ограничиваютъ, не связываютъ этой сво-

бодной дѣятельности, но даютъ ей духъ и жизнь, открываютъ просторъ для нея. Такого рода высшими принципами, или идеалами нравственной жизни, и являются евангельскія заповѣди. Эту мысль выразилъ ап. Павелъ, когда сказалъ, что Христосъ „законъ заповѣдей учеными упразднилъ“ (Еф. 2, 15; „учеными“ — догмасы; догма — положеніе авторитетное, твердъ установленное, непререкаемое; въ данномъ случаѣ, судя по контексту рѣчи — „учеными“ упразднилъ „законъ заповѣдей“, т. е. частныхъ, формально обязательныхъ правилъ или заповѣдей, — подъ „ученіемъ“ или „догмою“ разумѣется положеніе авторитетное, непререкаемое не въ силу авторитета власти, установившей его, а въ силу безусловности самого требованія, его широты и неизживаемости; поэтому и перевести это слово слѣдуетъ лучше всего нашимъ словомъ „идеаль“ или философскимъ терминомъ „принципъ“).

Эти идеалы Евангелія, не будучи строго опредѣленными, конкретными правилами жизни, должны, очевидно, восприниматься и переживаться личнымъ сознаніемъ каждаго индивидуума, и рѣшеніе вопроса о томъ, какъ и въ какой мѣрѣ они могутъ осуществляться въ его жизни, должно принадлежать совѣсти человѣка, его внутреннему оку; такъ и сказалъ Спаситель: „свѣтильникъ для тѣла есть око. Итакъ, если око твое будетъ чисто, то все тѣло твое будетъ свѣтло; если же око твое будетъ худо, то все тѣло твое будетъ темно. Итакъ, если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма, то какова же тьма?“ (Мѡ. 6, 22 23). Это не значитъ, впрочемъ, что осуществленіе или неосуществленіе этихъ идеаловъ въ жизни предоставляется произволу и личному усмотрѣнію тѣхъ, кто жаждетъ достигнуть высшаго совершенства, ибо въ области нравственнаго закона и дѣятельности не можетъ быть ни низшаго ни высшаго, сверхдолжнаго (см.: Лк. 17, 10; Мѡ. 5, 19. 20; Іак. 2, 10. 11);

не значить также и того, что выполненіе ихъ можно отложить до наступленія будущаго Царства Божія; нѣтъ, по прямому и ясному смыслу Евангельскихъ заповѣдей и въ частности нагорной проповѣди (см. особенно Мѡ 5, 20 и сл.), они суть требованія, долженствующія быть проводимыми въ жизнь теперь же и каждымъ христіаниномъ. — Направляясь къ личности, Евангеліе и учитъ о личности, ея самоцѣнности предъ Богомъ (см. особ. Мѡ. 16, 26: „какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?“ ср. Лк. 9, 25; Мрк. 2, 27: „суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы;“ Мѡ. 10, 29—31; 18, 10—14; Лк. 15, 4—32 и мн. др.), а не объ обществѣ и его устройствѣ, и стремленіе искать въ ученіи Христа рѣшеніе вопросовъ соціальнаго характера означаетъ непониманіе этого ученія и находить осужденіе въ Его собственныхъ словахъ, сказанныхъ просившему раздѣлить наслѣдство, какъ объ этомъ рассказываетъ ев. Лука: „нѣкто изъ народа сказалъ Ему: Учитель! скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство. Онъ же сказалъ человѣку тому: кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?“ (Лк. 12, 13. 14; ср. Мѡ. 22, 16—21).

Итакъ, если Евангеліе обращается не къ обществу, а къ личности, и не съ тѣмъ, чтобы опредѣлить ея положеніе въ обществѣ, но съ тѣмъ, чтобы указать ея собственную цѣну, то не является ли справедливымъ и дальнѣйшій выводъ сторонниковъ индивидуалистическаго пониманія христіанства, по которому вся область внѣшней жизни лежитъ внѣ области христіанства? Въ этомъ утвержденіи есть своя правда и своя неправда. — Неправда его заключается прежде всего въ одностороннемъ взглядѣ на внѣшнія формы жизни и отношеніе къ нимъ человѣка. Пусть вѣрно, что христіанство обращается не къ обществу, а къ личности,

человѣку; но вѣдь человѣкъ есть не только существо индивидуальное, но вмѣстѣ и социальное, и Евангеліе беретъ его не оторваннымъ и отрѣшеннымъ отъ виѣшнихъ формъ жизни, но въ связи съ ними и въ условіяхъ ихъ (оно, положимъ, не учить о богатствѣ и бѣдности, не опредѣляетъ социальнo—политическихъ отношеній людей, но все же говорить о богатыхъ и бѣдныхъ, о царяхъ, господахъ и слугахъ и т. д., а не о какихъ—либо чистыхъ индивидуальностяхъ, взятыхъ виѣ времени и пространства); поэтому и абсолютныя требованія Евангелія христіанинъ долженъ и можетъ выполнять въ условіяхъ общественной жизни и личной дѣйствительности. Нужды нѣтъ, что эти требованія, осуществляемыя въ жизни условной, иногда будутъ, повидимому, терять свой безусловный характеръ,—абсолютность Евангельской заповѣди можетъ и должна постоянно сознаваться и переживаться христіаниномъ, ибо зло не въ этой вынужденной и неизбежной условности осуществленія евангельскихъ заповѣдей въ жизни, но оно столько же въ лукавствѣ совѣсти, оставляющей выполненіе этихъ требованій на долю людей избранныхъ или совсѣмъ откладывающей ихъ осуществленіе до времени наступленія „Царства Божія“, сколько и въ заблужденіи, а иногда гордости, ума, полагающаго, что должно непременно исполнить „все“ или совсѣмъ не исполнять „ничего“, какъ будто Евангеліе хочетъ связать нашу совѣсть абсолютностью своихъ требованій и такимъ образомъ лишить свободы этого „крайняго судію“ нашей жизни (ср. ученіе ап. Павла о свободѣ совѣсти въ 1 Кор. 10, 29, въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ; см. также Рим. 14, 22) и какъ будто механическое осуществленіе абсолютныхъ евангельскихъ заповѣдей непременно будетъ свидѣтельствовать о соответствующей имъ силѣ духа и высотѣ нравственнаго развитія (что собственно и важно) такихъ, имѣющихъ ревность не по разуму, испол-

нителей (каковы многіе наши сектанты), а чаще лишь проповѣдниковъ (каковъ Л. Толстой) евангельскаго Закона. — При этомъ, не нужно забывать, что формы и отношенія общественной жизни въ своей основѣ не представляютъ собою чего-либо діаметрально противоположнаго фактамъ личной жизни индивидуума или несоизмѣримаго съ ними; нравственный моментъ, характеризующій собою переживанія индивидуума и подлежащій оцѣнкѣ христіанства, *въ большей или меньшей мѣрѣ* отразился и какъ бы застылъ и въ формахъ внѣшней, общественной жизни; поэтому и онѣ подлежатъ (*однѣ—въ большей, другія—въ меньшей мѣрѣ*) оцѣнкѣ съ христіанской точки зрѣнія.

Неправда вышеуказаннаго индивидуалистическаго пониманія христіанства заключается также въ односторонней оцѣнкѣ христіанства въ этомъ воззрѣніи. Уже основныя идеи Евангелія—идея Отца небеснаго, идея абсолютной цѣнности человѣческой личности и идея Царства Божія, въ своей основѣ совсѣмъ не предполагающія какихъ-либо опредѣленныхъ формъ человѣческаго общенія, все же имѣютъ не только индивидуальное, но и социальное значеніе. Идея Отца Небеснаго есть идея оптимизма, долженствующая быть основою и опорой общечеловѣческаго прогресса (Богъ нашъ—Отецъ нашъ, Онъ Самъ заботится о насъ, направляя нашу жизнь къ добру и счастью—*Мѡ. 6, 25 и сл.*); идея Царства Божія есть идея идеализма, опредѣляющая, въ чемъ должна заключаться сущность этого прогресса, именно, главнымъ образомъ, въ духовномъ—религіозномъ, нравственномъ, умственномъ, эстетическомъ и т. д., а не матеріальномъ развитіи человѣческаго общества („ищите прежде царства Божія и правды Его“, ибо „не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ“—*Мѡ. 6, 33; 4, 4*); идея абсолютной цѣнности человѣческой личности, или идея индивидуализма, указываетъ направленіе прогресса—къ культурѣ личности,

а не ея рабству и подчиненію внѣшнимъ формамъ жизни („ибо что пользы чловѣку приобрѣсть весь міръ, а себя самого погубить или повредить себѣ“; вѣдъ даже и „суббота для чловѣка, а не чловѣкъ для субботы“—Лк. 9, 25; Мрк. 2, 27).—Наконецъ, любовь, заповѣданная Христомъ,—любовь самоотверженная и универсальная, не только является основою личныхъ отношеній послѣдователей Его, но она можетъ служить и критеріемъ для оцѣнки формъ общежитія, ибо, конечно, и эти послѣднія могутъ свидѣтельствовать о томъ, насколько чловѣческое общество прониклось евангельскимъ духомъ—духомъ любви (ср. Іоан. 13, 35).

Однако, какъ это вполне очевидно изъ вышеизложеннаго нами установленнаго пониманія христіанства, религіозная оцѣнка общественныхъ отношеній должна отличаться весьма условнымъ характеромъ. Не предполагая опредѣленныхъ, въ тотъ или иной моментъ исторіи чловѣчества сложившихся формъ общественной жизни, но обращаясь къ чловѣку, который, по выраженію Гете, „всегда остается однимъ и тѣмъ же“, христіанство ему, его сознанию, просвѣщенному евангельскою истиною, предоставляет оцѣнку этихъ временныхъ и текучихъ формъ чловѣческаго общежитія и, какъ это опять таки вполне ясно изъ вышеизложеннаго, не въ цѣляхъ устройства общественной жизни, но съ цѣлью опредѣленія своего личнаго религіознаго отношенія къ этимъ формамъ жизни (поскольку онѣ, разумѣется, затрагиваютъ его религіозно-нравственные интересы); поэтому-то такая оцѣнка ихъ въ сущности лишь для него самого можетъ имѣть безусловное значеніе. Значитъ, хотя мы можемъ говорить объ отношеніи *христіанина* къ богатству и собственности, къ тѣмъ или другимъ формамъ соціально-политическихъ отношеній людей и имѣемъ долгъ опредѣлить свое личное отношеніе къ этимъ и другимъ формамъ общественной жизни, но нѣтъ и не можетъ быть въ собствен-

номъ и точномъ смыслѣ христіанскаго ученія о богатствѣ и собственности, нѣтъ христіанскаго ученія о политическомъ или соціалномъ устроеніи общества, какъ нѣтъ и не можетъ быть христіанскаго ученія о рабствѣ, о феодальныхъ отношеніяхъ и т. п.—Вотъ въ чемъ заключается правда вышеупомянутаго индивидуалистическаго пониманія христіанства.

Итакъ, въ согласіи со вторымъ изъ двухъ рассмотрѣнныхъ воззрѣній на христіанство мы должны признать, что христіанство обращается къ личности и, давая ей оцѣнку, учитъ объ условіяхъ и высшемъ идеалѣ ея развитія („будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“ — Мѡ. 5, 48); но этимъ, какъ мы видѣли, не исключается возможность оцѣнки соціально-политическихъ, правовыхъ и обще-культурныхъ отношеній съ христіанской точки зрѣнія; и даже болѣе того, эта оцѣнка указанныхъ формъ жизни является обязанностью христіанина, такъ какъ христіанство не мыслитъ личности самозаключенными и изолированными другъ отъ друга, но, предполагая тѣсное единеніе людей на основѣ любви, призываетъ къ устроенію Царства Божія, насколько возможно, теперь же, въ условіяхъ наличной дѣйствительности, а не въ загробномъ существованіи чело-вѣчества (достаточно указать на Молигву Господню). Не надо только забывать, что такая оцѣнка формъ общественной жизни совершается не христіанствомъ, а христіаниномъ съ точки зрѣнія христіанства, т. е. такъ, какъ свидѣтельствуется его совѣсти преломившаяся въ его сознаніи христіанская истина.

Вячеславъ Глаголевъ.

(Продолженіе будетъ).

Къ дѣятельности пастырей въ дни войны.

8-го сентября въ приходѣ Покровской церкви сл. Карabanовой, Казинской волости, Валуйскаго уѣзда происходили проводы ратниковъ 2-го разряда.

Въ 12-мъ часу дня со всѣхъ хуторовъ прихода собрались къ храму ратники съ ихъ родственниками.

По совершеніи молебнаго пѣнія „отправляющимся въ путь“ и акаѳиста Покрову Божіей Матери изъ церкви выступилъ крестный ходъ. Впереди несли иконы и хоругви. Непосредственно за ними слѣдовали ратники, рядами по обѣ стороны дороги. Посрединѣ два ратника несли храмовую икону, за которою шелъ священникъ въ облаченіи и съ крестомъ.

Во время шествія совершалось молебное пѣніе за „Императора и за люди во время брани противу супостатовъ“.

Крестный ходъ остановился, выйдя за слободу, на лугъ. Послѣ чтенія съ колѣнопреклоненіемъ молитвы „о ниспосланіи помощи Божія въ годину брани“ былъ совершенъ чинъ освященія натѣльныхъ крестиковъ священникомъ отъ себя для благословенія ратниковъ.

Послѣ отпуста священникъ обратился къ ратникамъ съ нижеприводимою напутствованною рѣчью, произнесенною имъ съ большимъ подъемомъ.

По окончаніи рѣчи возглашены были многолѣтія Государю Императору и Царствующему Дому, всероссійскому воинству, прихожанамъ—воинамъ „на полѣ брани сущимъ“ и „нынѣ подвигъ воинскаго служенія воспріемлющимъ“.

Затѣмъ ратники прикладывались къ храмовой иконѣ и кресту. Священникъ окроплялъ ихъ св. водою, благословляя каждого натѣльнымъ крестикомъ, съ произнесеніемъ словъ: „да спасеть тебя знаменіе сіе крестное“ и при этомъ про-

щался съ ратниками, цѣлуя каждаго въ щеку, они же цѣ-
ловали его руку.

На присутствовавшихъ здѣсь плѣнныхъ австрійцевъ,
находящихся въ приходѣ на сельскихъ работахъ, трогатель-
ная картина проводовъ произвела большое впечатлѣніе, какъ
это выяснилось изъ разговоровъ съ ними.

Такіе проводы мобилизованныхъ совершаются у насъ
съ начала войны.

Съ начала же войны совершаются у насъ каждую
праздничную службу молебныя вѣнія о дарованіи побѣды и
здравіи воиновъ—прихожанъ, съ бесплатнымъ поименнымъ
ихъ поминовеніемъ и заупокойныя литіи о православныхъ
воинахъ, „на полѣ брани убиенныхъ“, при чемъ поминаются
поименно умершіе воины—прихожане и также бесплатно.

При полученіи нашимъ священникомъ О. Алексѣмъ
Ливенцевымъ достовернаго извѣстія съ театра войны о смер-
ти какого либо прихожанина война на полѣ ли брани, въ ла-
заретѣ ли отъ ранъ и болѣзней, полученныхъ на войнѣ,
онъ объявляетъ объ этомъ прихожанамъ въ храмѣ, посвя-
щая памяти умершаго воина нѣсколько теплыхъ словъ и
приглашаетъ всѣхъ помолиться объ упокоеніи души его,
какъ умершаго за Родину и насъ и съ почетомъ хранить
память о немъ.

За совершеніе таковыхъ панихидъ онъ не принимаетъ
платы отъ родныхъ умершаго воина.

Въ дни всероссійскаго поста и покаянія, совершая
ежедневныя утреннія богослуженія и торжественныя вечер-
ни съ акаѳистами Спасителю, Покрову Божіей Матери, Св.
Николаю и Предтечи Спасову, Іоанну, исповѣдывалъ го-
вѣльщикомъ, отказываясь отъ платы за исповѣдь.

Всякаго приходящаго съ войны раненаго воина съ по-
четомъ встрѣчаетъ, привѣтствуетъ въ церкви рѣчью, благо-
словляя Просфорою. Если раненный изъ бѣдной семьи, по-

сылаетъ ему чай, сахаръ, булки и иногда дѣлаетъ небольшіе денежные подарки.

Вообще старается согрѣть излученную душу страдальца война своей ласкою и любовью.

Прихожанинъ учитель мѣстнаго земскаго училища
Пантелеймонъ Васильевъ Дикаревъ.

Р Ъ Ч Ъ,

сказанная священникомъ Алексѣемъ Ливенцевымъ при про-
водахъ ратниковъ 2 разряда 8 сентября 1915 г.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа!

По манифесту возлюбленнаго Государя нашего, 26 августа принявшаго на себя верховное командованіе всѣми сухопутными и морскими силами Россіи и лично пожелавшаго раздѣлить съ доблестными воинами русскими всѣ трудности, всѣ опасности и лишения, призываетесь нынѣ и вы, ратники втораго разряда, стать въ ряды славныхъ защитниковъ Родины.

Не легко вамъ, други мои, покидать все дорогое вашему сердцу.

Вы переживаете послѣднія минуты разставанья съ близкими людьми и родными мѣстами, гдѣ протекала ваша молодая жизнь.

Все надо покинуть и идти на встрѣчу смерти, чтобы исполнить святой долгъ защиты Родины.

Сердце тоскуетъ. Болѣетъ душа.

Но скрѣпимъ свое сердце и возложимъ надежду на Бога. Будемъ вѣрить и молиться Ему, и Онъ поможетъ намъ. Да будетъ Его Святаа воля!

Не ропщите. Вѣдь съ Вами будетъ Царь вашъ. Онъ

стоитъ нынѣ во главѣ всѣхъ русскихъ войскъ. Вмѣстѣ съ Вами Онъ будетъ подвергать опасности жизнь свою и нести всѣ тяготы военной жизни.

Помните, что Родина въ опасности. Врагъ далеко прошелъ въ предѣлы Россіи. Въ своемъ натискѣ на насъ, онъ сосредоточилъ громадныя силы и вооруженіемъ и людьми. Мы должны противопоставить ему не меньшія, чтобы не только удержать его, но и изгнать изъ предѣловъ нашего отечества, поразить и навсегда сломить его, дабы Родинѣ нашей дать миръ и прочный и долговременный.

Вотъ за что вы пойдете бороться.

За тѣ же родныя мѣста, которыя покидаете нынѣ.

За нашу свободу отъ рабства, которое врагъ готовитъ для насъ.

За свои поля, которыя врагъ думаетъ отнять у насъ.

За вѣру православную и св. храмы Божьи, которыя врагъ рѣшилъ порушить у насъ.

За свой родной языкъ, за наши родные обычаи, которые врагъ, побѣдивъ, упразднить у насъ.

Станьте же грудью, дорогіе братья!

Грозный отпоръ дайте врагу.

Не посрамите земли Русской.

Бѣгите позорнаго плѣна.

Съ вами будутъ наши молитвы и благословенія. Богъ вамъ помощникъ. Владычица міра да спасетъ васъ.

За Родину впередъ!

Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ! Аминь.

Священ. А. Ливенцевъ.

Поѣздка въ Оптину Пустынь и другіе <тихіе пріюты для отдыха страдающей души> ¹⁾.

Возвращаясь изъ Скита, прошелъ къ колодцу Преп. Пафнутія Боровскаго, надъ которымъ устроена деревянная часовня, нынѣ заново ремонтирующаяся; изъ него вытекаетъ сѣрно-кислый источникъ, наполняя собою водоемъ близлежащихъ купаленъ, гдѣ вода въ жаркіе дни достигаетъ едва 8—10 градусовъ по R; искупавшись здѣсь, посидѣлъ на берегу быстрой, не широкой, но глубокой Жаздры (притокъ Оки) и любовался открывшимся видомъ на Козельскъ.

День уже близился къ вечеру, предстояло служить всенощную. Скоро раздался могучій и звучный звонъ „семисотни“ и я спѣшу въ Введенскій Соборъ.

Началъ службу въ 6 ч. 20 м. вечера и окончилъ ее въ 11^{1/2} ч. ночи. Народу масса и все одно вниманіе, одна сосредоточенность, не говоря ужъ о насельникахъ: это прямо таки горящія вѣрой свѣчи воску ярого. Служба здѣсь представляетъ такую массу особенностей, которыя рѣдко можно встрѣтить въ современныхъ намъ обителяхъ. Я много посѣтилъ святыхъ мѣстъ Россіи, бывалъ въ Кіевѣ, Черниговѣ, Москвѣ, Троице-Сергіевской Лаврѣ и Петроградѣ и только лишь въ Саровской Пустыни встрѣтилъ подобную службу, при которой, дѣйствительно, „въ храмѣ стояще, на небеси стояти мнимъ“.

На величаніе Св. Преп. Серафиму, память котораго совпала съ Воскреснымъ днемъ, во главѣ многочисленнаго собора вышелъ паломникъ Ректоръ Владимірской Духовной Семинаріи Архимандритъ Павелъ.

Запѣли величаніе Преподобному Угоднику, „наставнику монаховъ и собесѣднику Ангеловъ“ и невольно мыслъ

¹⁾ Окончаніе. См. № 39.

изъ Оптиной перенеслась въ сродную ей по духу Саровскую пустынь, гдѣ я былъ нѣкогда въ 1908 году: и тамъ святая пустынь, вся обвинная памятью кроткаго угодника Божія, любившаго всѣхъ дотога, что онъ всѣхъ именовалъ „сокровище, ангелъ, голубчикъ, родной...“ и какъ благодатно стало на душѣ, когда вспомнилось, что среди хаоса нашей жизни, среди омута, въ который подчасъ погружаетъ насъ жизнь, есть такіе „тихіе пріюты для отдыха страдающей души“, какъ Саровъ и Оптина, при одномъ воспоминаніи о посѣщеніи которыхъ, такъ и звучитъ въ душѣ:

Я посѣтилъ тебя впервые,
И очарованный вполне,
Твои сокровища святая
Я полюбилъ теперь вдвойнѣ.

Окончилась долгая всенощная; ни усталости, ни обыкновеннаго, хотя бы малѣйшаго, утомленія, ни чувствуется ни-сколько; напротивъ какъ то жаль уходитъ изъ храма, гдѣ самый воздухъ, кажется, такъ дышетъ молитвой и неземной благодатью.

Иду на покой въ свой номеръ; по дорогѣ обгоняю нѣсколькихъ интеллигентныхъ дамъ; онѣ подходятъ подъ благословеніе и спрашиваютъ, во сколько времени будетъ ранняя обѣдня. Отвѣчаю имъ: „въ 5 ч. у., да куда ужъ вамъ встать такъ рано, вѣдь сейчасъ уже 12 ч. ночи“. — „Мы, батюшка, пріѣхали сюда не спать, а молиться“, слышу отъ нихъ. „Хотя и долго сейчасъ молимся, но это что-то не-обычайное, что мы себѣ не могли и представить. У насъ въ городѣ тоже хорошая служба, но во время ея, хотя она и очень короткая, чувствуется и усталость и вялость какая-то, а здѣсь бы молились, и молились! “т. е. высказы-ваютъ тѣже положительно чувства, что испыталъ и я.

На утро служилъ раннюю обѣдню, за которой молился съ умиленіемъ за всѣхъ дорогихъ усопшихъ и блаженныхъ

старцевъ обители. Много было причастниковъ, уже утѣшенныхъ старцами, и доверяющихъ дѣло своего обновленія приватіемъ въ очищенныя исповѣдію души Христа.

Въ концѣ Литургіи я счелъ святымъ долгомъ пастырства подѣлиться съ молящимися своими чувствами, думая вмѣстѣ съ тѣмъ выразить и ихъ таковыя, и сказалъ:

„Какъ нѣкогда, послѣдую таинственному голосу, Моисей предъ Неопалимой Кувшиной снялъ обувь съ ногъ своихъ, ибо земля, на которой ты стоишь, было сказано ему, есть земля святая, такъ и мы, дорогіе братіе и сестры, хотѣлось бы внушить себѣ и воскликнуть вамъ: мы всѣ здѣсь собрались, кто откуда, во Святую Оптину Пустынь этотъ „тихій пріютъ для отдыха страдающей души“, а потому оставимъ скорбь и печаль повседневной нашей жизни и, отложивши всякое житейское попеченіе, будемъ помнить и не забудемъ никогда, что были въ Оптиной, молились и плакали въ ней и чувствовали ту бодрость душевную, что даетъ Оптина благочестивой Православной Руси своимъ „старчествомъ“, окормляясь которымъ спаслись и спасаются многіе, плавая по волнамъ, подчасъ бурнымъ и шумнымъ житейскаго моря. Здѣсь въ сферѣ истовой усердной молитвы, мы особенно чутко поймемъ и оцѣнимъ, что значитъ Богъ и все Божіе, что значитъ молитва,—этотъ райскій благоуханный цвѣтъ,—послѣ которой „съ души какъ бремя скатится; сомнѣнье далеко; и вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко“... Пойдите вы на кладбище сей пустыни, прочтите надгробныя надписи, такъ много говорящія вѣрующему сердцу страдальца и преклонивъ колѣна, отъ всей души помолитесь за отшедшихъ ко Господу старцевъ—Амросія, Иосифа, Макарія, Леонида, Льва, Варсонофія и другихъ—и вы почувствуете и теперь силу ихъ благодатнаго воздѣйствія, вы услышите слухомъ вѣры ихъ тихій, ласковый загробный голосъ: подобни намъ бывайте, яко же и

мы Христу и, укрьпившись молитвой, идите и къ современнымъ намъ здѣсь старцамъ за совѣтомъ и помощью духовной, которую только и можетъ намъ дать мужъ богопросвѣщенный и богомудрый“.

„Мнѣ на долю выпало рѣдкое, ни съ чѣмъ земнымъ несравнимое, счастье не только побывать въ Оптиной, но и послужить здѣсь и послужить именно въ тотъ день, когда Святая церковь празднуетъ память подвижника, сродной по духу Оптиной, Саровской пустыни угодника Божія Преп. Серафима. Считаю это не простой случайностью, а перстомъ Божиимъ, указующимъ мнѣ и вамъ, кому Господь внушилъ мнѣ сказать это, на слова Преп. Серафима, который, на вопросъ одного мірскаго боголюбца, почему такъ мало людей спасается? отвѣтилъ: „по недостатку рѣшимости“. Запомнимъ это, дорогіе братіе и сестры, и возымѣемъ твердое и святое намѣреніе спастись, а Преп. Серафимъ и старцы Оптиной помогутъ намъ въ этомъ святомъ рѣшеніи“.

„Станетъ ли ослабѣвать воля и міръ манить насъ своей суетной грѣховностью, скорѣй сюда въ Оптину къ старцамъ, туда въ Саровъ къ Угоднику Божию: припадѣмъ къ нимъ и скажемъ: „спасите насъ отъ насъ самихъ!“ и они спасутъ. И проживемъ мы въ мірѣ и покаяніи; и, быть можетъ, по ихъ святымъ за насъ молитвамъ, сподобимся увидѣть и тотъ Невечерній Свѣтъ, при озареніи котораго они работали и работаютъ Господу со страхомъ и радовались и радуются Ему съ сердечнымъ трепетомъ“.

Послѣ поздней Литургіи, совершенной въ Введенскомъ Соборѣ Архимандритомъ Павломъ, былъ и трапезоваль въ монастырской трапезѣ. Кушанье, хотя и простое, но очень вкусно приготовленное понравилось даже мнѣ, довольно таки прихотливому, а ужъ неизбалованный вкусъ и вовсе долженъ остаться имъ доволенъ.

Цѣлый день снова посвятилъ обзорѣнію; побывалъ въ

больничномъ курпусѣ и у проживающаго тамъ на покоѣ Архимандрита Агапита; полюбовался обширнымъ монастырскимъ хозяйствомъ.

Собираясь на завтра уѣхать въ Шамордино, зашелъ проститься съ о. Анатолиемъ; онъ засуетился, что бы мнѣ еще подарить на память и, между прочимъ, бесѣдуя со мною, протягиваетъ не глядя руку къ многочисленнымъ у него деревяннымъ издѣліямъ и выбираетъ солонницу. „Ну-ка, прочтите, что на ней написано? говоритъ онъ торопливо. Читаю: „помни всегда вѣчность и ничего въ мірѣ не пожелаешь“. — „Вотъ, вотъ хорошо; это и идетъ къ вамъ“, сказалъ добрый старецъ, лобызаясь со мной на прощанье. Грустно, грустно какъ то стало, не хотѣлось уходить отъ такого благодатнаго мужа, хотѣлось еще побыть и подышать воздухомъ его святой келліи, гдѣ онъ, въ часы досуга свободнаго отъ посѣтителей, молится за грѣшный родъ людской.

Скажу также о томъ вниманіи и заботѣ объ удобствахъ паломниковъ, которое рѣдко теперь можно встрѣтить (встрѣчала подобное въ Кіевѣ и Саровѣ, но не въ такой все таки мѣрѣ). Пріѣзжая въ Оптину, вы какъ бы слагаете съ себя заботу о себѣ и своемъ тѣлѣ: вамъ даютъ уютъ, покой и пропитаніе безъ всякаго запроса о цѣнѣ, а по добровольному вашему желанію, кто сколько можетъ и хочетъ дать. Вы только и знайте, что молитесь и молитесь, а прійдите къ себѣ на отдыхъ въ номеръ, вамъ готовъ и самоварчикъ и кушать вамъ подадутъ и примутъ, и все это предупредительно и любовно и остается вамъ, живя въ Оптиной, „горняя мудрствовать, а не земная“.

Не доромъ же Оптина издревле слыла какъ бы маякомъ, который манилъ къ себѣ сматенный умъ и духъ челоуѣка—интеллигентна. И кто, кто только не былъ въ ней съ самыми разнородными чувствами: Гоголь, вдохновен-

ный здѣсь и написавшій свое „размышленіе о Божественной Литургіи“, въ которомъ высказалъ все, что въ короткій срокъ навѣяла на него Святая Оптина Пустынь; Достоевскій, выведшій старца о Амвросія (подъ другимъ, разумѣется, именемъ) въ своихъ „Братьяхъ Карамазовыхъ“; Левъ Толстой, прибѣгшій было въ Оптину предъ своей смертью и, можетъ быть, раскаявшійся бы, если бы не его лихіе благожелатели; Поселянинъ, Нилусъ и Быковъ, и понинѣ здравствующіе и много и тепло пишущіе объ Оптиной.

Узнавъ душою и сердцемъ такой святой оазисъ среди волнующагося житейскаго моря съ его злобой, ложью и фальшью, такъ бы и хатѣлось всѣхъ привлечь сюда въ Оптину на отдыхъ среди первозданной природы съ ея святыми храмами Богу живому, Богу мира и отрады и особенно съ ея богومудрыми, богопросвѣщенными благодатными старцами, утѣшителями, вдохновителями и молитвенниками и я, напр., лично, задаюсь цѣлью знакомить всѣхъ съ Оптиной въ тайной надеждѣ, что не только получу спасибо отъ тѣхъ, кого толкну въ это благодатное и умиротворяющее мѣсто, но, быть можетъ, бывъ здѣсь, она помолятся и за меня грѣшнаго.

Раннимъ утромъ на другой день (20 іюля) я сходилъ еще разъ помолиться надъ гробницей о. Амвросія, испрашивая его молитвъ и благословенія посѣтить основанную имъ и любимую Казанскую Пустынь при с. Шамординѣ. Приклонивъ колѣна, читаю на его надгробіи: „всѣмъ былъ вся, да всяко нѣкія спасу“. Достойная и вполне истинная характерная надпись и оцѣнка святого мужа, послужившаго, какъ рѣдко кто, на благо страждущему человѣчеству!

Выѣхавъ изъ Оптиной, я долго смотрѣлъ и молился на ея святыя храмы, разставаясь съ этимъ раемъ на землѣ и со слезами просилъ Господа, что бы Онъ еще и еще привелъ меня сюда отдохнуть душой отъ суеты слишкомъ

мутной жизни особенно въ эту тяжелую годину и все повторялъ это свое четверостишіе:

Я посѣтилъ тебя впервые,
И очарованный вполне
Твои сокровища святыя
Я полюбилъ теперь вдвойнѣ.

За думами о видѣнномъ и пережитомъ не замѣтилъ, какъ проѣхалъ 12 верстъ и вотъ я въ Шамординѣ. Тотчасъ отправился въ Казанскій соборъ, до того художественный внутри и величественно-прихотливый снаружи, что просто жаль, что онъ находится гдѣ-то въ глуши Калужскаго края: ему бы быть виднымъ украшеніемъ столицы; но къ нему и здѣсь, изъ-за памяти объ основателѣ, „не заростеть народная тропа“. Здѣсь познакомился съ добрѣйшей и смиренной Матушкой Игуменіей Валентиной, былъ привасть въ ея келліи, и гдѣ видѣлся съ другой истинной рабой Божіей достойной послѣдовательницей великаго учителя-старца Монахиней Вѣрой, которая взяла меня на свое попеченіе и руководила при обзорѣни достопримѣчательностей обители, а одной изъ первыхъ таковой и служить келліи, гдѣ скончался старецъ о. Амвросій. Келлія эта цѣликомъ заключена въ домъ—футляръ, устроенный, какъ и все въ обители, на средства виднаго Московскаго чаоторговца Сергѣя Васильевича Перлова.

Бережными и любящими руками и сердцемъ добрыхъ сестеръ все въ этой келліи до мельчайшей подробности сохранено, какъ было при „батьюшкѣ“. Умилительно-трогательна эта забота о памяти святого старца, какъ бы и не покидавшаго этой любимой имъ келліи, а лежащаго на своей многоболѣзненной постелькѣ въ живомъ высоко-художественномъ изображеніи на ней. Делѣя его память, какъ святыню, сестры приходятъ въ эту келлію „хибарку“ къ „Батьюшкѣ“ со всеми скорбями своими, наплачутся здѣсь, почи-

таютъ псалтирь, помолятся за него и какъ бы поговорять съ нимъ и станеть легче на душѣ. Миѣ передавали: у одной монахини были какія-то скорби, которыя она не рѣшалась кому-либо повѣдать и въ такомъ состояніи, безъ духовной поддержки, она сильно упала духомъ. Батюшка явился ей во снѣ и сказалъ укоризненно: „отчего ты никогда не прійдешь ко миѣ въ хибарку?“—Батюшка“, отвѣтила будто бы эта монахиня, „да что же туда ходить, вѣдъ васъ тамъ теперъ нѣтъ.—„Ходи“, сказалъ старецъ, „и все говори, какъ говорила живому; я всѣхъ слушаю тамъ“. Какъ сладостенъ этотъ рассказъ. Миѣ невольно припомнился при этомъ другой Святой Подвижникъ—Преподобный Серафимъ Саровскій,—который говорилъ своимъ любимымъ сестрамъ Дивѣевскимъ: „я умру, но всегда буду съ вами, какъ бы живой!“ Вотъ гдѣ и понятны вамъ стануть псаломскія слова: не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни (Псал. 117, 17,), вотъ гдѣ воскресаетъ въ вашей душѣ представленіе о христіанскомъ безсмертіи.

Побывалъ въ трапезной, въ пріютѣ, типографіи, золотошвейной, богадѣльнѣ. Все благоустроено, все цвѣтеть въ этой юной еще обители и все, надо думать, такъ и останется навсегда за молитвами святого основателя старца и тщаніемъ наслѣдниковъ Перлова, здѣсь же и обрѣтшаго себѣ вѣчный покой. Привести бы сюда невѣра-скептика и показать ему все. Какъ бы и чѣмъ онъ объяснилъ такое благоустройство въ глуши вдали отъ населеннаго пункта, не считая небольшого сельца Шамордино? Что это: тщеславіе, погоня за благами міра? Нѣтъ, это великое и богоугодное дѣло на благо ближнихъ, это тоже „тихий пріютъ для отдыха страдающей души“ и не даромъ же самъ миліонеръ, извѣстный всей Россіи, Сергій Васильевичъ Перловъ, оставилъ шумную столицу и почилъ здѣсь сномъ смертнымъ. Счель сердечнымъ долгомъ зайти въ его усы-

пальницу и отслужить литію по этому достойномъ вѣчной памяти и райскаго блаженство рабѣ Христовомъ, смотрѣвъшемъ на свое благопріобрѣтеніе земное какъ на даръ Божій, котораго онъ явился мудрымъ управителемъ для блага ближнихъ своихъ, а не только собственникомъ.

Къ вечеру я возвратился въ Козельскъ и снова, проѣздомъ мимо, видѣлъ дорогую Оптину Пустынь, поклонившись ей издали и въ ночь выѣхалъ съ Тихонову Пустынь. На станцію „Тихонова Пустынь“ прибылъ въ 2 ч. ночи и сейчасъ же нанялъ лошадей до Тихоновой Пустыни, отстоящей отъ станціи въ 9 верстахъ. Ъхать пришлось все время густымъ высокимъ боромъ, которымъ и вообще то изобилуетъ Калужская губернія.

Въ 4 ч. у. я былъ уже въ Пустыни. Отдохнувши отправился къ средней Литургіи, послѣ которой отслужилъ молебенъ у раки Приподобнаго Тихона, почивающаго подъ спудомъ. Удивительна вѣра Преподобнаго и его величіе на небесахъ, по которымъ онъ, удалившись въ земной жизни отъ людей для своего спасенія, теперь, живой на небесахъ, собираетъ къ себѣ многихъ страдальцевъ для ихъ душевнаго и тѣлеснаго здравія и спасенія.

Видѣлъ остатокъ дуба, въ дуплѣ котораго онъ спасался; купался въ источникѣ изъ его колодца. Какъ колодезь во храмѣ, тамъ и купальня очень благоукрашены, что невольно располагаетъ къ молитвѣ тому, кто „пустыню у плодоносилъ“ и тихій земной покой свой содѣлалъ пристанищемъ многихъ вѣрныхъ чадъ Христовыхъ, спасающихся нынѣ его святымъ заступничествомъ. На монастырскомъ дворцѣ у келлій масса роскошной зелени и цвѣтовъ вполне соответствуетъ тому мѣсту, гдѣ почиваетъ сугубая милость Господня.

Свое пбломничество по „тихимъ пріютамъ“ я закончилъ у Святителя Пятирима въ Тамбовѣ, откуда по прямо-

му сообщенію проѣхалъ къ роднымъ въ г. Камышинъ Саратовской губерніи.

Здѣсь въ одну изъ ночей, сидя въ паркѣ надъ Волчой и любясь этой красавицей-рѣкой, я снова пережилъ все, испытанное мною въ эту душеспасительную поѣздку и мысль моя снова устремилась въ родимую Оптину, которой и посвящаю въ заключеніе этотъ плодъ немудраго своего творчества:

Я буду помнить ту святыню,
Что нѣкогда мой взоръ видалъ
И старцевъ кроткихъ благостыню,
Какую сладко испыталъ.

И буду я душой стремиться
Въ тотъ благодатный край святой,
Гдѣ сладко плакать и молиться,
Отъ горестей вздохнуть порой.

О Оптина моя родная,
О край Калужскій ты святой!
, Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой!“

Когда отъ жизни я устану,
И жизнь мнѣ станетъ немила,
Прими меня въ пріютъ твой тихій
И успокой тогда меня.

И въ сферѣ пламенной молитвы
Твоихъ насельниковъ святыхъ
Какъ воинъ, послѣ поля битвы,
Я наберуся новыхъ силъ.

А можетъ быть и жизнь земную,
Исполненную многихъ бѣдъ
Окончу здѣсь и въ жизнь иную
Войду за старцами вослѣдъ.

О Духъ Святой и Утѣшитель,
Всему Благому Промыслитель!
Поѣздку въ Оптину Пустыню
Не дай мнѣ никогда забыть
И старцевъ кроткихъ благостыню
На вѣки въ сердцахъ сохранить.

Священникъ *Николай Кузьминъ.*

Г. Задонскъ.
15 авг. 1915 г.

По родной губерніи.

(Путевые очерки).

Лѣто 1915 года прошло для меня необыкновеннымъ образомъ: я имѣлъ возможность тихо и спокойно, безъ всякихъ тревоженій прожить въ Валуйскомъ Успенскомъ Николаевскомъ монастырѣ, временами, иногда въ сопровожденіи досточтимаго о. игумена Игнатія, покидая его для разѣздовъ по Валуйскому и Бирюченскому уѣздамъ. Все это доставляло много интереснаго, назидательнаго. Интересно было хотя немного познакомиться съ разными людьми, преимущественно съ духовенствомъ, посмотрѣть церкви, святыни, древности. И почти всюду, какъ много того, что достойно вниманія! Жаль только, что это, достойное вниманія, не хранится иногда подобающимъ образомъ. Но винить въ этомъ пока не приходится никого...

Духовенство наше изстари отличалось хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ. Этимъ же оно отличается и теперь: это я испыталъ на себѣ. Не было ни одного дома священника, изъ котораго мы не уѣзжали бы облаканными. Всѣмъ имъ большое спасибо. Спасибо и о. игумену Игнатію, много содѣйствовавшему мнѣ въ этихъ поѣздкахъ.

I.

Гор. Валуйки. Солоти. Боярскіе Кусты. Городище. Лавы.

Были времена. Татары часто тревожили и грабили наших предковъ. А теперь. Вотъ женщина, одна-одиошенька, спокойно полеть подсолнухи. Тамъ мальченка важно пасеть овецъ. Тихо и мирно кругомъ. Такъ думалось мнѣ, когда я подѣвжалъ по желѣзной дорогѣ къ г. Валуйкамъ.

Этотъ городъ, какъ извѣстно, основанъ въ 1599 году, согласно указу царя Бориса. Вначалѣ этотъ городъ служилъ крѣпостью, защищающею русскую землю отъ набѣговъ татаръ. Былъ здѣсь и Петръ Великій. Но съ теченіемъ времени свое значеніе, какъ военной крѣпости, городъ потерялъ. И въ настоящее время почти уже ничто не говоритъ о быломъ, прошедшемъ города. Время все сокрушило и тѣмъ болѣе, что и сами то валуйчане не особенно внимательно относились къ своему былому. Говоримъ это на томъ основаніи, что валучайне, напр., въ 1861 году приложили все свое стараніе, чтобы избавиться отъ бывшаговъ ихъ городѣ „царскаго собора“, построеннаго въ 1699 г. „по указу Царя Петра Алексѣевича“ „на Государевы казенныя деньги и на собранныя ратныхъ и градскихъ людей“. Преданіе говоритъ, что Великій Государь не только жертвовалъ деньги на построеніе этого собора, не только далъ собственный „рисунокъ“ для него, но и самъ принималъ участіе въ работахъ по устройству его. И вотъ этотъ-то въ высшей степени интересный и дорогой памятникъ валуйчане не пожелали и продали за 3300 р. въ с. Большіе Липяги.

Сторожили и теперь помнятъ, какъ разбирали „царскій соборъ“ и клали на подводы. „Когда соборъ былъ разобранъ, когда послѣднее дерево было положено на сани, я невольно заплакалъ“, такъ говорилъ мнѣ одинъ валуйскій старожиль. И было, конечно, чему плакать.

Но съ продажей собора не все прошлое ушло изъ Валукъ. Въ новомъ соборѣ и теперь сохраняется нѣсколько древнихъ иконъ, книгъ и проч. Особенно замѣчательна изъ нихъ Владимірская чудотворная икона Божіей Матери (снимокъ съ иконы, писанной Св. Евангелистомъ Лукою). По преданію, эта икона вмѣстѣ съ другими иконами была доставлена въ новопостроенный „царскій соборъ“, по распоряженію Петра Великаго, изъ Москвы. Изъ Москвы до Валукъ эта икона сопровождалась многочисленнымъ крестнымъ ходомъ. Она и въ настоящее время пользуется большимъ почитаніемъ; многіе прибѣгаютъ къ ней за помощью и получаютъ, по вѣрѣ своей, просимое.

Икона въ богатой серебряной ризѣ; не такъ давно ее украшало драгоцѣнное ожерелье съ большимъ алмазомъ. Происхожденіе этого ожерелья весьма интересно.

Въ Валуйскомъ краѣ въ 18 вѣкѣ были двѣ славныхъ фамиліи: Рябинины (потомки которыхъ и теперь благополучно здравствуютъ въ Валуйскомъ у.) и Безгины. Рябинины ведутъ свой родъ отъ воеводы Рябинина, который былъ присланъ на „Валуйку“ царемъ Іоанномъ Грознымъ; Безгины же ведутъ свой родъ отъ воеводы Безгина, присланнаго на Валуйку Петромъ Великимъ. Этотъ Безгинъ былъ женатъ, какъ говоритъ преданіе, на какой-то болгарской княжкѣ, бывшей въ фаворѣ у Петра Перваго до женитьбы его на Екатеринѣ. Вступивъ въ бракъ съ Екатериною, Императоръ Петръ Великій выдалъ княжну за Безгина и послалъ послѣдняго въ Валуйки. Княжна была награждена Великимъ царемъ разными драгоцѣнными подарками, въ томъ числѣ и ожерельемъ. Съ теченіемъ времени произошло слѣдующее.

Одинъ изъ Безгиныхъ встрѣтился на охотѣ съ одною изъ дочерей Рябинина. Произошло знакомство, которое кончилось бракомъ. Съ этой молодой четѣ перешло и ожерелье,

а отъ нихъ уже оно поступило, какъ усердный даръ, на Владимірскую икону Божіей Матери.

Рядомъ съ новымъ соборомъ въ городскомъ саду находится и другой памятникъ о Петрѣ Великомъ: это домикъ о. Проконія Зиновьева, въ которомъ останавливался Великій Преобразователь въ 1695 году.

Изъ городского сада, расположеннаго надъ обрывомъ, внизу котораго протекаетъ рѣка Валуй, открывается живописный видъ на цѣлые десятки верстъ.

Городъ Валуйки расположенъ вообще живописно: на возвышенной, гористой мѣстности. Эпидемическихъ заболѣваній въ городѣ почти не бываетъ: „бацилы не могутъ у насъ культивироваться—ихъ сносить вѣтеръ“, говорятъ шутливо валуйчане.

Въ концѣ города по пути въ Солоти находится часовня, выстроенная на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, въ царствованіе Анны Іоанновны былъ встрѣченъ валуйскими жителями честный крестъ съ частію животворящаго древа Креста Господня, принесенный изъ г. Курска, жители котораго по случаю свирѣпствовавшей тогда чумы испросили означенную святыню изъ Московскаго Успенскаго собора.

Въ семи верстахъ отъ г. Валукъ, въ сѣверо-западной сторонѣ, расположено село Солоти. Свое названіе село получило, какъ предполагають, отъ немалаго количества солончаковаго грунта земли въ усадебной и полевой дачахъ.

Въ селѣ—Архангельская церковь изъ дубоваго дерева; все въ ней просто, такъ сказать—небогато, за исключеніемъ сребровызлащеннаго креста на таковой же цѣпочкѣ; въ средину этого креста вставленъ кипарисовый крестъ, въ которомъ хранятся частицы св. мощей угодниковъ печерскихъ, именно: Пимена многоболѣзненнаго, Марка Гробкопателя, Іоанна Затворника, Феофила, Іоанна и Нектарія.

Крестъ этотъ подаренъ прихожанами, дворянами Аггеевыми, а къ нимъ, какъ говоритъ преданіе, онъ поступилъ, какъ благодарность за пожертвованія, отъ Настоятеля Киево-Печерскаго монастыря.

Въ этомъ селѣ въ большомъ, такъ сказать, ходу крестные ходы. Они устраиваются здѣсь часто: напр., во время эпидемическихъ заболѣваній, во время засухи и т. д. Иногда эти крестные ходы повторяются, что является слѣдствіемъ усердія дѣвушекъ. Послѣднія въ данномъ случаѣ считаются болѣе достойными молитвенниками предъ Господомъ. Во время крестнаго хода несеніе хоругвей и образовъ лежитъ всецѣло на дѣвушкахъ; ихъ-же трудовыми копейками оплачивается и весь вообще расходъ по устройству этихъ крестныхъ ходовъ.

Отправляетесь дальше Около полотна желѣзной дороги, среди запущеннаго сада-лѣса высится домъ съ высокой соломенной крышей. Это „Боярскіе Кусты“,—имѣніе одного изъ Рябиныхъ—Г. А. Хозяинъ этого имѣнія—интересный человѣкъ. Все свое время онъ проводитъ главнымъ образомъ въ кабинетѣ за оригинальномъ станкомъ. Недавно въ своемъ кабинетѣ онъ соорудилъ особую модель какого-то орудія для уничтоженія проволочныхъ загражденій. Модель послана Государю Императору.

Г. А. Рябининъ прекрасный собесѣдникъ, много видѣвшій на своемъ вѣку. Онъ участвовалъ на охотѣ вмѣстѣ съ обожаемымъ Великимъ Княземъ, героемъ настоящей войны Николаемъ Николаевичемъ. Съ какимъ восторгомъ онъ рассказываетъ объ этомъ, о томъ, какъ Великій Князь, тогда еще молодой, съ необыкновенной силой и ловкостью самъ шелъ на волка, стараясь захватить его живьемъ.

У Григорія Александровича сохранилось старинное вооруженіе: рогатины, топоры, шлемъ и др., также нѣсколько старинныхъ, весьма цѣнныхъ иконъ.

Отъ него мы ѡдемъ въ другое имѣніе „Отрадное“, принадлежащее женѣ его покойнаго брата В. Ал. Какъ здѣсь все благоустроено! Какой прекрасный уголокъ! Съ одной стороны—горы и лѣса, а съ другой—рѣка Оскола. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого имѣнія находится старое Городище, или — „древній татарскій городъ“ какъ говорятъ старики—крестьяне. Это городище расположено на берегу р. Оскола, на горѣ, которая въ данномъ мѣстѣ отличается особой высотой. Здѣсь явно замѣтенъ ровъ, окружающій городище, разныя выбоины, ямы, насыпи. По другую сторону имѣнія „Отраднаго“ находится село Лавы, Пушкарное тожъ. Оно все утопаетъ въ зелени.

Его основаніе относить къ петровскимъ временамъ. Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ этого села было что-то въ родѣ крѣпости, гдѣ хранились пушки. Когда крѣпость была уничтожена, охранявшіе ее люди, пушкари, остались здѣсь жить; они-то и составили собою село Пушкарное.

Другое названіе села—Лавы—преданіе приписываетъ Петру Великому. Рассказываютъ, что въ то время, когда стояли здѣсь пушки, Петръ 1-й пріѣхалъ сюда ихъ осмотрѣть. Это быто весною во время разлива рѣки Оскола, когда мостъ черезъ рѣку былъ снесенъ водою. Пріѣхавши къ берегу, Государь потребовалъ лодку для переправы, но лодки ни одной не нашлось; тогда матросы, вмѣсто лодки, подали для государевой переправы лавки (Лавы) изъ своихъ хатъ. На этихъ-то лавкахъ Государь и переправился; отсюда и названіе села.

Село Лавы, или Пушкарное, окружено разными легендарными сказаніями о злодѣяхъ, которые замѣнили собою разорявшихъ русскую землю татаръ. Сюда стекались многіе бѣглецы изъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые не выносили притѣсненій своихъ господъ. Жители села Лавъ, тоже враждебно настроенные противъ помѣщиковъ, не принимали

никакихъ мѣръ къ поимкѣ своихъ сосѣдей-разбойниковъ. Последніе, съ своей стороны, были благодарны къ лавянамъ и никогда на нихъ не нападали. Не нападали они никогда и на батюшекъ с. Лавы.

Кромѣ разбойниковъ, открыто грабившихъ, многіе жители хуторовъ около с. Лавы въ былое время занимались укывательствомъ бѣглыхъ, а иногда и сами рѣшались на воровство ¹⁾.

Теперь ни о разбойникахъ, ни о бѣглыхъ ничего не слышно.

Въ селѣ — деревянная церковь, построенная въ 1787 г.; но въ 1837 г. она сгорѣла, а въ 1845 г. была построена вновь жителями и стараніемъ помѣщиковъ. Въ церкви есть икона Божіей Матери, пожертвованная однимъ помѣщикомъ; икона эта особенно чтится жителями села Лавы.

Т. Олейниковъ.

(Продолженіе будетъ).

Чудомъ спасло.

Священникъ Грайворонскаго полка от. Іоакимъ Лещинскій доносить протопресвитеру.

— Я, — пишетъ от. Лещинскій, — вблизи позиціи въ с. Мальцовъ, въ полутора верстахъ отъ боя, служилъ молебень о дарованіи побѣды російскому воинству. Послѣ служилъ панихиду по убиеннымъ на полѣ брани воинамъ нашимъ, а затѣмъ по просьбѣ казаковъ освящалъ полковой образъ и, освятивъ его, отслужилъ краткій молебень.

Въ это время рѣялъ аэропланъ надъ церковью.

¹⁾ Воронеж. Епарх. Вѣд. 1882 г. № 3., стр. 105 — 109, статья о Лавыхъ П. М-вѣ.

Молебенъ былъ совершенъ на паперти, такъ какъ ключей изъ уніатскаго храма нигдѣ не оказалось.

Въ концѣ многолѣтія, во время провозглашенія словъ: „Всеми Царствующему Дому“, раздался сильнѣйшій взрывъ и я, оглянувшись невольно, увидѣлъ громадное количество разбитаго стекла отъ южной части храма, дымъ, осколки, гранаты, удушливый газъ, но я, Богу Всевышнему благодареніе, ни на минуту не остановился, а обратившись къ попадавшимъ на землю нѣкоторымъ богомольцамъ, сказалъ громко:

— Встаньте, не бойтесь! — и затѣмъ продолжалъ многолѣтіе: — „христіолюбивому побѣдоносному всероссійскому воинству“ Многіе, попадавшіе было на землю возстали, и не одного не оказалось ни убитымъ, ни раненымъ, лишь только одинъ нижній чинъ оказался кантуженнымъ. Снарядъ упалъ въ 5 шагахъ отъ меня, но я, славу Богу, даже и испуга не получилъ и не тронулся съ мѣста молитвы. Было на богослуженіи около, 300 человекъ нижнихъ чиновъ, среди коихъ были: начальникъ дивизіи, подбесаулъ казачьяго войска, нѣсколько офицеровъ и врачей

Этотъ случай—чудо милости Божіей.

Сила взрыва гранаты была очень велика, ибо уголь величественнаго большого храма былъ оторванъ силою взрыва гранаты, около водосточнаго камня образовалась глубокая яма, а камень сброшенъ въ сторону на нѣсколько шаговъ и разорванъ въ куски. Много побитыхъ стеколъ въ храмѣ. Одна пуля отъ гранаты ударилась даже въ стѣну ризницы. О семъ случаѣ я составилъ актъ. (В. Е. В.).

Отъ Редакціи.

Нѣкоторые подписчики Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, обращаясь въ Редакцію съ просьбою о перемѣнѣ адреса, не указываютъ своего прежняго адреса, что весьма затрудняетъ исполненіе означенной просьбы. Поэтому Редакція покорно проситъ подписчиковъ, отъ коихъ поступаютъ просьбы о перемѣнѣ адресовъ, обязательно указывать свои прежніе адреса.

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Христіанство и социализмъ. — *Вячеслава Глазгова.*

Къ дѣятельности пастырей въ дни войны. — *Прихожанина учителя мѣстнаго земскаго училища Пактегеймоча Васильева Дикарева.*

Поѣздка въ Оптину Пустынь и другія „тихія мѣста для отдыха страдающей души“. — *Священника Николая Кузьмина.*

Рѣчь, сказанная священникомъ Алексѣемъ Ливенцевымъ при проводахъ ратниковъ 2 разряда 8 сентября 1915 г. — *Священ. А. Ливенцова.*

По родной губерніи — *Т. Олейникова.*

Чудомъ спасло.

Объявленіе.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи *Архимандритъ Серафимъ.*

Печатать дозволяется. 4 октября 1915 г. Цензоръ Протоіерей А. Славский